

К.С. Таланова, асп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МОДЕЛЬ МОРАЛЬНОГО КРИЗИСА ПО Э. ДЮРКГЕЙМУ

Статья посвящена разработке Э. Дюркгеймом концепции структуры и развития общества, сфокусированной на нравственности и морали.

Ключевые слова: концепция общества Э. Дюркгейма, ценности, нормы, мораль, механическая солидарность, органическая солидарность.

Article is devoted to the development of the concept of Emile Durkheim and the structure of society, focused on ethics and morality.

Key words: concept Durkheim society, values, norms, morals, mechanical solidarity, organic solidarity.

Э. Дюркгейма можно считать одним из первых социологов, проложивших путь социологии к академическому самоопределению и университетской специализации. Он начинал карьеру как философ, потративший значительную часть своей жизни на лекционную практику в области теории и педагогической практики. Именно поэтому он надеялся заложить фундамент социологической науки о морали¹.

Современная социология возникла в XIX в. прежде всего для целей перестройки французского общества после разрушений, вызванных Французской революцией 1789 г. и Прусской войной 1870–1871 гг. Два француза, внесших несомненный вклад в ее развитие, — О. Конт (1798–1857) в послереволюционное время и Э. Дюркгейм (1858–1917) после Франко-прусской войны². Дюркгейм стал очевидцем нарастающих кризисных процессов в экономической, политической, социальной и духовной сферах современного ему общества — формирующегося индустриального общества. Позже обострение противоречий между трудом и капиталом и анархию производства он назовет “ненормальными” формами разделения труда, вызванными слишком быстрыми темпами индустриального и капиталистического развития. В каком-то смысле социологию надо считать — по аналогии с современной модой — “кризисным менеджментом”, ибо формируется оно по поводу общественного кризиса и призвана дать эффективные рецепты преодоления кризиса, в том числе, а быть может в первую очередь,

* Таланова Ксения Сергеевна, e-mail: theory@socio.msu.ru

¹ Thompson K. Emile Durkheim. L.; N.Y., 1988. P. 50.

² Ibid. P. 11.

духовно-нравственного кризиса общества. Дюркгейм явился, возможно, первым теоретиком и практиком транзитивного общества, того самого, в котором ныне живем мы, но только на более высокой фазе развития.

Для социологии, полагали французские социологи XIX — начала XX в., в том числе и Дюркгейм, нет более гуманной задачи, чем понять, что побуждает людей жить сообща, почему для них стабильный социальный порядок выступает наивысшей ценностью, какие законы управляют межличностными отношениями. Не борьба классов, а совместное существование всесторонне развитых личностей (не замкнутых в классовые, профессиональные или кастовые интересы), “солидарное бытие” является для Дюркгейма высшей целью. Общество, по Дюркгейму, — это особая реальность, несводимая к сумме составляющих его элементов, а позже он говорил об обществе как о Боге, превосходящем по моральной и материальной силе индивида и навязывающем ему определенное поведение и мышление.

Дюркгейм проработал не только теоретическую концепцию структуры и развития общества, сфокусированную на нравственности и морали, но анализировал также методологию изучения ценностей: “Предметом не называется все, что дается, что предлагается или, скорее, навязывается наблюдению. Рассуждать о явлениях как о предметах — значит рассуждать о них как о данных, составляющих точку отправления науки. Социальные явления, бесспорно, обладают этим характером. Наблюдению открыта не идея, составляемая людьми о ценности, — она ему недоступна, — а ценности, действительно обменивающиеся в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о полезном или о богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, что все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь через посредство выражающих их явлений”³.

Ценности — некие абстрактные клише, позаимствованные социологами из обыденной речи и некритично используемые ими как сами собой разумеющиеся, считает Дюркгейм. Чаще всего социологи не рефлексируют над такими понятиями, и отсюда проистекает множество ошибок. Самая главная — принимать обыденные понятия о ценностях за научные. В докладе «Ценностные

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Послесловие А.Б. Гофмана. М., 1990. С. 432.

и “реальные” суждения»⁴, сделанном на Международном философском конгрессе в Болонье (1911), Дюркгейм анализирует такие понятия, как “ценность”, “ценностное суждение”, “идеал”, “положительная ценность”, “отрицательная ценность”. Он предлагает различать а) ценности и б) оценки, доказывая, что если оценки “связаны с определенными личностями и не могут быть от них отделены”, то “ценности существуют, в некотором смысле, вне меня”⁵. Дюркгейм поясняет свою мысль: “Совершенно иначе обстоит дело, когда я говорю: этот человек *имеет* высокую нравственную ценность; эта картина *имеет* высокую эстетическую ценность; эта драгоценность *стоит* столько-то. Во всех подобных случаях я приписываю людям или вещам, о которых идет речь, объективно существующее свойство, совершенно независимое от того, как я воспринимаю его в то время, когда высказываюсь. Лично я могу не назначать никакой цены за драгоценности, тем не менее их ценность останется в рассматриваемый момент той же самой”⁶. Дюркгейм настаивает на том, что “ценностям, о которых только что шла речь, присуща та же объективность, что и вещам”⁷.

Если «“реальные суждения”, или “суждения о реальности”, опираются на факты, то ценностные суждения — на идеалы. Судить о фактах и идеалах социологу необходимо одинаковым образом». С точки зрения научной логики между двумя видами суждений нет принципиальной разницы. У них разный источник, но методология рассуждения одна и та же. Дюркгейм так и пишет: «...между нами нет различий по существу. Ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом. Но и идеал дан нам в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность. Выражаемая связь, стало быть, соединяет два понятия точно так же, как в “реальном” суждении. Правда, можно сказать, что ценностные суждения опираются на идеалы. Но так же обстоит дело и с “реальными” суждениями... Элементы суждения, стало быть, одни и те же в обоих случаях»⁸.

Как полагает А.Б. Гофман, известный исследователь социологии Дюркгейма, у него “нравственный фактор всегда занимал центральное место”⁹, от себя же добавим: в теории, в методологии и на практике, а в поздних работах получил еще более тонкое и глу-

⁴ См.: Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.

⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Послесловие и прим. А.Б. Гофмана. М., 1995. С. 287.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения. С. 113.

⁹ Гофман А.Б. Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 105.

бокое обоснование. Дюркгейм опубликовал свою первую статью об основании социологии морали в 1887 г., провозгласив тем самым необходимость науки о морали¹⁰. Тогда же он предложил курсы в Бордо, а затем в Сорбонне, которые были опубликованы посмертно в *Leçons de sociologie* и в *L'Éducation morale*. Некоторые специалисты, в том числе Р. Белла¹¹, считают, что вся научная деятельность Дюркгейма связана с анализом и исследованием вопроса о нравственности. Этико-педагогическим проблемам воспитания, духовно-нравственного формирования человека посвящена его работа “Нравственное воспитание”, написанная в 1902–1903 гг. и опубликованная посмертно в 1923 г. Исследование происхождения морали и права, вопросы социальной роли нравственности и религии образовали ядро его фундаментального труда “Элементарные формы религиозной жизни” (1912). Последняя неоконченная работа французского социолога была посвящена проблемам этики. Дюркгейм вынашивал мысль о создании особой науки о нравственных фактах, которую он называл “физикой нравов”¹².

Если для Макса Вебера, представителя понимающей социологии, ценности находятся вне эмпирической реальности, они несводимы к ней и могут быть предметом лишь веры, но не научного познания, то для Дюркгейма, представителя позитивистской социологии, ценности трансценденты по своей сущности (смыслу), но эмпиричны по форме проявления. Они выражаются через традиции, верования, обычаи народа и все то, что составляет коллективное сознание. Главным признаком морали Дюркгейм считал долг, следование которому делает поведение человека моральным.

У Дюркгейма коллектив, а не отдельный человек выступает гарантом и хранителем духовных ценностей: “Поскольку общество сильнее и авторитетнее индивида, то обязательными компонентами морали являются необходимые ему требования — бескорыстие, самопожертвование”¹³. Когда моральные регулятивы в обществе ослабевают, наступает аномия, а вместе с ней и духовно-нравственный кризис. Солидарность — это причина возникновения и одновременно последствие такого кризиса. Кризис и дезорганизация общественных отношений порождают моральный вакуум.

Ценности и ценностные ориентации выполняют функцию социальной детерминации поведения, т.е. служат внутренними регуляторами человеческих поступков и воплощаются в социальных нормах. Нормы отражают должное и желаемое, но так происходит

¹⁰ Durkheim E. La science positive de la morale en Allemagne // Journal sociologique. 1969. N 5. P. 24.

¹¹ Bellah R.N. Emile Durkheim, on morality and society. Chicago, 1973.

¹² Durkheim E. Introduction la morale // Revue philosophique. 1920. N 89. P. 96.

¹³ Философия культуры. Становление и развитие. СПб., 1998. С. 125.

только в нормальных условиях. В кризисных же условиях социальный порядок расстраивается и в обществе возникает безнормие, или аномия.

Социальные нормы эффективны только в том случае, когда они опираются не на внешнее принуждение, а на нравственный авторитет общества, и в этом принципиальное различие между социальными фактами, которые носят принудительный характер, и социальными нормами, которым индивид подчиняется свободно. А раз так, то он может подчиняться или не подчиняться социальным нормам, т.е. признавать моральный авторитет общества или не признавать его, следовательно, ориентироваться на социально одобряемые ценности или не подчиняться им. Поскольку поведение человека — это такой социальный конструкт, который не может находиться вне ценностного поля в принципе, то индивид, отвергая одни ценности, добрые, подчиняется другим, злым. Конечно, в реальной жизни не все так категорично и социальная действительность скроена из множества цветов, соцветий и оттенков. Отклоняя ценности добра, человек не обязательно принимает ценности зла. Он отклоняет одну трактовку или понимание ценности добра ради другой, которую считает более уместной или адекватной своим нравственным убеждениям или реально сложившейся ситуации. Коллективное создание представляет для общества особую и предпочтительную ценность. Если общие верования, дорогие каждому идеалы и традиции оказываются под угрозой, то все сообща берется за их охрану.

Развитие общества, социальный прогресс, впервые приобретает у Дюркгейма четко выраженную морально-нравственную атрибутику. Разделение общественного труда, в течение многих и многих тысячелетий ведшее человеческое общество к вершинам цивилизации — от механической солидарности к органической, — имеет две стороны — позитивную и негативную. Дюркгейм первым среди социологов предложил задуматься о гуманистической цене безумной машинизации и специализации труда. Иными словами, Дюркгейм заявил моральные ценности как *системообразующий фактор* организации и развития человеческого фактора, который не только действует на протяжении всех исторических этапов (хронологический аспект), но и во всех сферах общества на одном историческом этапе, т.е. в экономической, политической, социальной, культурной. Таким образом, Дюркгейм явился первым “системщиком” в подходе к пониманию духовно-нравственного кризиса и ценностных систем.

Дюркгейм, как и К. Маркс, был реалистом. Он считал экономическую структуру доминантным фактором индустриального общества. В то же самое время он верил, что она должна быть чем-то

большим, чем только экономической структурой, чтобы продуцировать социальную стабильность и интеграцию. Дюркгейм подчеркивал именно моральные возможности экономической структуры и способность (потенциал) для придания индивиду чувства позитивной принадлежности обществу¹⁴. Дюркгейм отмечал, что экономический обмен в современном разделении труда базируется на контрактах, а контракты требуют априорно моральных рамок, которые нельзя объяснить как результат обмена. Дюркгейм отрицал эволюционистскую теорию, которая возводила индивидуальный интерес (эгоизм) в начало человеческой истории и утверждал кооперацию и солидарность (альтруизм) как современный исторический феномен¹⁵. Дюркгейм говорит об экономике как области, которая должна изучаться социологически, хотя ей он уделил очень мало внимания, сосредоточившись на моральных факторах.

В своей докторской диссертации “О разделении общественного труда”¹⁶ Дюркгейм формулирует предмет социологии как сущность социальной солидарности. Он трактует солидарность как высший и универсальный (для всех эпох и народов) моральный принцип, признаваемый всеми членами общества. В связи с этим Дюркгейм обсуждает совокупность эмпирических явлений, включая изменения в социальной структуре в соответствии с изменениями в институтах и коллективном сознании. Здесь он анализирует также и “ненормальные” формы: аномию (отсутствие законности и порядка), социальное неравенство, рутинизацию труда, деградацию рабочей силы, классовые конфликты, институциональную дисфункциональность.

Полагаясь на понятие социальной солидарности, Дюркгейм построил одну из самых плодотворных теорий развития общества в мировой социологии¹⁷. От степени солидарности зависит состояние общества — нормальное или патологическое. Патология общества получила у Дюркгейма название *аномии* — ощущение отсутствия норм, возникающее в обществе, членов которого не только убедили, но и воспитали быть законопослушными, однако не позаботились создать для этого необходимые условия, прежде всего законодательные. Под аномией Дюркгейм понимал отсутствие четкой системы социальных ценностей и норм, регулирующих поведение людей. Такое отсутствие встречается обычно в пе-

¹⁴ Thompson K. Op. cit. P. 74.

¹⁵ Ibid. P. 74–75.

¹⁶ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900; *Он же*. О разделении общественного труда. Метод социологии; *Он же*. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. М., 1996. С. 256–309.

¹⁷ Подробнее см.: Кравченко А.И. Трудовые организации: структура, функции, поведение. М., 1991.

реходные периоды и кризисные периоды развития общества, когда старые ценности и нормы перестали полностью или частично действовать, а новые еще не созданы либо не утвердились, будучи созданными. Причину появления аномии Дюркгейм искал в неразработанности правил, регулирующих отношения между социальными функциями, которые “не приспособлены друг к другу”¹⁸.

Мораль в истолковании Дюркгейма неотделима от социальной солидарности. Полагая, что разделение труда порождает солидарность, он одновременно доказывал, что оно выполняет нравственную функцию. В книге “О разделении общественного труда” Дюркгейм указывал, что смена одного типа общества, переход от механической солидарности к солидарности органической непременно сопровождается глубоким кризисом морали: “За небольшой промежуток времени в структуре наших обществ произошли глубокие изменения; они освободились от сегментарного типа со скоростью и в масштабах, подобных которым нельзя найти в истории. Поэтому нравственность, соответствующая этому типу, испытала регресс, но другая не развилась достаточно быстро, чтобы заполнить пустоту, оставленную прежней нравственностью в наших сознаниях. Наша вера поколеблена; традиция потеряла свою власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного. Но, с другой стороны, у функций, разъединившихся в ходе переворота, еще не было времени для взаимного приспособления, новая жизнь, как бы сразу вырвавшаяся наружу, еще не смогла полностью организовать, причем организовать прежде всего так, чтобы удовлетворить потребность в справедливости, овладевшую нашими сердцами. Если это так, то лекарство от зла состоит не в том, чтобы стараться во что бы то ни стало воскресить традиции и обычаи, которые, не отвечая более теперешним социальным условиям, смогут жить лишь искусственной и кажущейся жизнью. Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — разного рода внешнее неравенство... Словом, наш первейший долг в настоящее время — создать себе нравственность”¹⁹.

Основной теоретический интерес Дюркгейма лежал в области функционирования и соединения коллективного сознания и коллективных репрезентаций, которые охватывали наибольшую часть того, что современная социология зовет культурой, особенно те аспекты культуры, которые носят обязательный характер, откло-

¹⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 284.

¹⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. С. 379–380.

нения от которого вызывают санкции, типичные для любого общества на той или иной конкретной стадии его развития. Все уровни культуры структурированы или кодифицированы, и эти коды должны быть расшифрованы социологами²⁰.

Доказывая в своей книге, что разделение труда порождает солидарность, он одновременно доказывал, что оно выполняет нравственную функцию. Дюркгейм предсказал, что общество будет безнадежно деградировать, когда разделение труда в нем будет основано на протекционизме, родственных связях, привилегиях, происхождении и прочих формах противоестественного социального отбора. И наоборот, общество может процветать в условиях свободного соревнования трудовых достижений, умов, талантов, нравственных достоинств²¹.

Внимательный анализ высказывания классика французской социологии позволяет нам сделать следующие наблюдения и выводы:

1. Моральный кризис происходит только (и только) в тех условиях, когда структура общества претерпевает а) глубокие изменения, б) за короткий период времени. Если изменения носят постепенный характер и протекают достаточно долго, то общество успевает адаптироваться к новым условиям и морального кризиса не происходит. Дюркгейм уточняет: изменения должны быть беспрецедентными по масштабу и скорости.

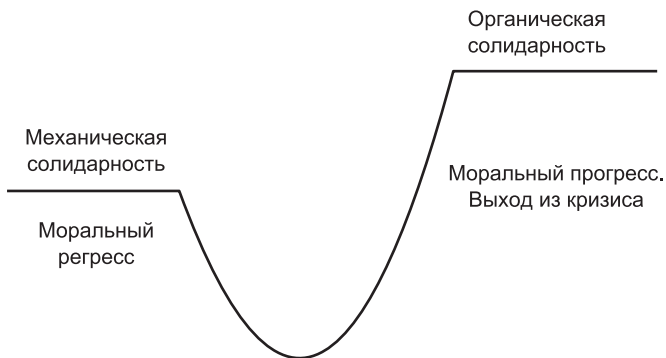
2. В период ускоренного перехода от одного типа общества к другому старая мораль испытывает регресс, она выявляет свою историческую неаутентичность. Поскольку переход очень быстрый, то новая мораль не успевает появиться. Для ее формирования требуется большое время. На месте разрыва возникает *моральный вакуум*. На рисунке моральный вакуум обозначает объем всего провала.

3. Переход от механической солидарности к органической у Дюркгейма знаменует переход от первобытного коллективизма к капиталистическому индивидуализму. В терминах модели Белла это означает переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному. Два последних базируются на развитом

²⁰ Thompson K. Op. cit. P. 75.

²¹ Подробнее см.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана; Примеч. В.В. Сапова. М., 1996; Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001. С. 25–56; Он же. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Он же. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1995. С. 157–182; Он же. Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; Он же. Становление французской социологической школы: Э. Дюркгейм // История теоретической социологии: В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Т. 1. М., 1997. С. 315–340; История теоретической социологии: В 5 т. Т. 2. Социология XIX века: (Профессионализация социально-научного знания). М., 1997. С. 292–313.

личностном начале и индивидуализме. Применительно к России мы берем на себя смелость утверждать, что модель морального кризиса Дюркгейма вполне может репрезентировать переход от советского (коллективистского, социалистического) к постсоветскому (индивидуалистическому, капиталистическому) обществу. Начало перехода можно датировать второй половиной 1980-х гг. — горбачевской перестройкой, середину кризиса — концом 1990-х гг., ельцинской шоковой терапией. Основные признаки морального кризиса (уже приводимые нами выше), указанные Дюркгеймом, применимы к этому периоду развития нашего общества: “Наша вера поколеблена; традиция потеряла свою власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного”.

Модель морального кризиса при резком переходе от одного типа общества к другому по Э. Дюркгейму

4. Фраза Дюркгейма “функции, разъединившиеся в ходе переворота”, как можно предположить, характеризует некий функциональный разрыв в функционировании социальных институтов, смешение позитивных и негативных функций, явных и латентных. Иными словами, моральный кризис в обществе глубокого транзита сопровождается *институциональным*, или *функциональным кризисом*. У старых и новых функций в силу сжатости временного периода не было возможности “приспособиться” друг к другу. На отладку функций у социальных институтов, по всей видимости, уходит немалое время.

5. Обратим внимание на такую подробность текста Дюркгейма: в начале фрагмента он говорит о моральном регрессе, а затем о перевороте, в ходе которого функции разъединились. Какая характеристика морального кризиса выразительнее, сильнее, драматичнее — регресс или переворот? Регресс означает ухудшение чего-либо, а переворот — полную смену векторов: то, что было добром, стало злом. Возможна и другая интерпретация морального переворота:

истинные ценности добра в период трансформации общества были заменены псевдоистинными. Не откровенно ложными (хотя и такой момент следует, на наш взгляд, учитывать), а замаскированными под истину. Так ведет себя только один феномен — *превращенная социальная форма*, о которой до Дюркгейма писал Маркс.

6. Состояние морального вакуума означает, по Дюркгейму, пустоту. Она возникает как следствие аномии. Аномия и есть пустота, когда обществом не управляют социальные нормы и законы, люди поступают так, как хотят, руководствуясь ложно понятой свободой (псевдоистинной свободой). Иными словами, в переходном обществе царит беспредел (ведь предел — это ограничения, накладываемые на поведение больших масс людей социальными нормами). Дюркгейм уточняет: общественная жизнь в этот период не смогла “полностью организоваться, причем организоваться прежде всего так, чтобы удовлетворить потребность в справедливости”.

Принципиально важным уточнением того, как должна организоваться общественная жизнь на новых началах (органическая солидарность), служит понятие “*потребность в справедливости*”. У россиян, согласно многочисленным социологическим исследованиям, обострено чувство справедливости проводимых реформ, существующего политического режима, поведения чиновников, оплаты труда и многого другого. *Справедливость* как фундаментальная потребность населения не удовлетворена. Неудовлетворенность выводит массы на митинги протеста, демонстрации, провоцирует гражданское неповиновение, скрытый саботаж. Справедливость становится основным критерием успешности или неуспешности проводимых для выхода из кризиса правительственных реформ. Этот критерий легко измеряем средствами эмпирической социологии, и им необходимо активно пользоваться.

Отметим еще одну особенность. Дюркгейм говорит о том, что потребность в справедливости овладела нашими сердцами. Что означает эта его фраза? Такие фундаментальные ценности, как добро, зло, свобода и некоторые другие, представляют для человека, скорее всего, умственные потребности. Они познаются интеллектом и там же — в “абстрактных высях” — остаются. Но справедливость и честь — глубоко эмоциональные ценности. В том смысле, что нашу честь легко задеть, унизив наше достоинство, и человек мгновенно реагирует, часто самым непредсказуемым образом. Легко поступить несправедливо по отношению к любому человеку и практически любым действием, которое он сочтет таковым. Как бы мы ни убеждали, что с ним поступили совершенно справедливо, как и с сотнями других людей (например, не выпуская за границу за невыплаченные алименты), т.е. по закону, рассудочные аргументы на него вряд ли подействуют. *Справедливость* владеет нашим

сердцем, а не разумом. Разум запускается уже тогда, когда произошла оценка действия против данного индивида как несправедливого, он обиделся до глубины души, а затем начинает обосновывать — себе или другим — то, почему он считает действие несправедливым и почему у него был мотив так себя вести. Социологические исследования демонстрируют, что россияне охотнее расстаются с полной (в либеральном понимании) свободой, довольствуясь частичной свободой (ограниченной), а то и полным ее отсутствием (например, в обмен за социальный порядок в обществе), но только не с умалением справедливости.

7. Следующая мысль Дюркгейма касается проблемы выхода из кризиса. Французский социолог предупреждает, что выход из него состоит не в реанимации старого. Моральный кризис всегда зло. “Лекарство от зла” не в том, чтобы “воскресить традиции и обычаи”, которые больше не соответствуют социальным условиям. Почему? Ведь к отказу от традиционных ценностей может привести иностранная интервенция. В таких ситуациях общество после национально-освободительной войны возвращается к своим традиционным ценностям. Однако Дюркгейм пишет не о насильственном и потому искусственном переходе общества. Он рассуждает об историческом и вполне естественном рывке, совершаемом страной от одного типа общества к другому, одной формации к другой.

Скачок можно назвать еще и революцией. Ее как раз описывает понятие “моральный переворот” — низвержение одних ценностей и замена их другими, альтернативными. Именно это и случилось с нашей страной в 1917 г., когда на смену буржуазной морали с одним нравственным кодом пришла пролетарская мораль с другим нравственным кодом. То, что уважалось и ценилось больше всего в “старой жизни”, например благородное происхождение, обесценилось в “новой жизни”. Более того, стало поводом для депривации, тюремного заключения, высылки за границу, расстрела.

В новых социальных условиях никак нельзя было возрождать старые традиции. Такое возрождение, и в этом нельзя не согласиться с Дюркгеймом, было бы искусственным приемом, т.е. псевдоистинным. По форме старая традиция или ценность была бы той же, а по содержанию — другой, прямо противоположной. Для выхода из кризиса требовалась новая ценностная система. И ее советская власть создавала и насаждала. В течение 75 лет сменилось несколько поколений советских граждан. И поколение внуков уже не разделяло ценности своих дедов и прадедов, полностью или частично сформировавшихся при “старой жизни”.

Сегодня появилось на свет новое поколение внуков 2000-х гг. рождения, которое не знает о советских традициях и ценностях.

Новое поколение сформировало новую систему взглядов, потребностей и ценностей. Можно ли искать выход из морального кризиса 2000-х гг. на пути реанимации прежних, пролетарских традиций и ценностей? Согласно Дюркгейму, нет, ибо такое возвращение будет ложным — похожим по форме, но отличным по содержанию. В окружающей нас реальности мы можем обнаружить множество таких “*кентавров*”. (Кстати сказать, этот термин в последние годы стал вполне социологическим понятием при описании духовно-нравственного кризиса российского общества.)

В снятом виде проблема механической и органической солидарности исследуется отечественными социологами на материалах изучения неисполнения семьей ее специфических социальных функций — репродуктивной и социализирующей. Проведя сравнительный анализ, Н.В. Богачёва²² приходит к выводу о том, что воспитание детей в татарских семьях строится по моделям традиционного общества и коллективизма, в то время как воспитание в русских семьях в большей мере тяготеет к моделям индустриального общества и, на наш взгляд, органической солидарности. У татар воспитание служит средством трансляции семейных ценностей от старших к младшим. “Ценность детей у русских и татар неодинакова: для русских дети — средство удовлетворения потребности в родительстве, для татар — самостоятельная ценность. Сельские семейные пары гораздо более консервативны во взглядах на семью, дом, детей, чем городские. Их отношения остаются более традиционными, что имеет немало положительных сторон. Дети растут в большем уважении к своим родителям, родственные связи остаются более крепкими, чем в городских семьях. Сельчане более скованны в общении с детьми и реже предоставляют им свободу в принятии решений, чем горожане (7,8 против 17,9% соответственно), а значит, дети менее автономны и более зависимы в сельской семье, чем в городской, что является причиной большей согласованности в мыслях и действиях членов сельской семьи, а значит и ее большей устойчивости”²³.

Итак, делает вывод Н.В. Богачёва, “с одной стороны, с повышением уровня образованности растет степень толерантности членов семьи друг к другу, в том числе и родителей к детям, что повышает статус последних в семье и формирует их индивидуалистическую, автономную позицию, отрицательно коррелирующую с семейными ценностями. С другой стороны, высокий уровень образования делает отношение к детям более одухотворенным, гуманным, и это

²² См.: Богачёва Н.В. Отношения родителей и детей // Социология. 2006. № 3–4. С. 136–138.

²³ Там же. С. 136–137.

отношение требует учета детских интересов при принятии решения о сохранении брака”²⁴.

На малом примере опроса семей, на наш взгляд, подтверждается теория механической и органической солидарности Дюркгейма. По мере социального прогресса — общественного или семейного, — выражающегося в том числе в повышении уровня образования, снижается чувство “незрячего коллективизма” и растет чувство “зрячего индивидуализма”. На стадии механической солидарности и в сельских семьях дети ценятся сами по себе, в органической солидарности и в городских семьях дети ценятся как личности. В первых необходимо безусловное подчинение младших старшим, на основе чего достигается консенсус. Во вторых необходимо партнерство, независимость, что служит базой для взаимопонимания. В первых — неравенство старших и младших, во вторых — их равенство. Семья крепче у первых, слабее у вторых. Но следует уточнить мысль автора: если автономная позиция детей отрицательно коррелирует с крепостью семьи, то тогда с ней отрицательно коррелирует и высший уровень образования. Иными словами, формируется обратная зависимость: чем выше уровень образования, тем ниже крепость семьи. Так это или нет? Быть “зрячим” — значит иметь соответствующее образование. Образованные люди не станут копировать манеры поведения, ценности, образ мыслей и мировоззрение друг друга, в данном случае младшие — старших. Крепость традиционной семьи, семьи малограмотных людей основана на механическом подражании: делай как я, а то накажу, не раздумывая. Крепость современной семьи, соответствующей органической солидарности, основана на размышляющем и критическом подражании. Младшие подражают родителям и учатся у них, если те достойны того. Дети становятся личностями, если их родители тоже являются личностями. Такая крепость семьи достигается гораздо труднее, потому ныне и разводов много, но она более естественна. Недаром Дюркгейм назвал ее органической, т.е. присущей всему живому. Живое — дерево, рыба, тигр — состоит из множества автономных, разнородных и разнофункциональных компонентов, соединившихся в единое и неразрушимое целое. Здесь микробы, вирусы, клетки, тромбоциты, печень, мозг, кровь и т.д. Такова крепость органическая. К ней и стремится человечество. А механическое копирование младшими старших, клонирование родителями себе подобных отпрысков — пройденный этап. В этом смысле традиционная система ценностей требует переосмысления.

Результаты исследования Н.В. Богачёвой свидетельствуют о том, что “родительскими ролями опрошенные овладевают не столько

²⁴ Там же. С. 138.

из-за ответственного отношения к семье как социальному институту и стремления максимально исполнить свои социальные функции по отношению к своим детям, сколько из-за любви к ним и удовлетворения родительского инстинкта, потребности быть родителем. Индивидуализм в основных семейных ролях — отцовской и материнской — еще один аспект, характеризующий причины малодетности в российском обществе”²⁵.

Между прочим, автор делает очень важные стратегические выводы. Во-первых, подтверждается закономерность перехода от механической к органической солидарности Дюркгейма. Во-вторых, на первый план в отношениях к детям выходят личные мотивы, а на второй — социальные. Стало быть, родители ценят детей потому, что любят их, они приносят им уладу и утешение. Никакой ответственности перед обществом за правильное исполнение своих родительских ролей. Иначе бы семья как социальный институт вышла бы на первое место. Значит, никакие призывы к родительской ответственности, пропаганда общественно значимых норм семьи успеха иметь не будут. Родители любят или не любят детей, и в зависимости от этого они воспитывают их или бросают на произвол судьбы. Опять на первый план выходит эгоистическое “Я” родителей. Автор не прав в том, что родительский эгоизм переводит в разряд родительского инстинкта. Почему? Потому что инстинкт действует неукоснительно, а в России сегодня родители слишком часто бросают детей. Значит любовь к ним не врожденная. Безответственных родителей можно только запугать: не будешь беречь своего ребенка, сядешь на десять лет. На Западе так и сделали: ювенальная юстиция “стреножила” родителей до максимума. И в этом тоже прослеживается “перебор”, однако в данном случае важен мировой тренд.

Посмотрим, как точно Дюркгейм описывает способ выхода из морального кризиса: “Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — разного рода внешнее неравенство”²⁶. Медицински точно выписан рецепт духовного выздоровления:

1) прекратить аномию, т.е. ввести справедливые законы и приложить усилия к их соблюдению;

2) заставить гармонически сотрудничать органы, т.е. ликвидировать дисфункциональность социальных институтов, “которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях” (полиция ловит

²⁵ Там же.

²⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. С. 379.

преступников, а суды их оправдывают; президент критикует чиновников за провал государственной политики и коррупцию, а те отделываются незначительными наказаниями, и т.п.);

3) деятельность органов власти и социальных институтов должна основываться на соблюдении принципов справедливости. Пока этого нет, говорить о выходе из кризиса рано. Пока лекарство от зла общество не приняло;

4) источником зла служит внешнее неравенство во всех его проявлениях.

Развиваемая им в книге “Самоубийство” концепция аномии играет исключительно важную роль в социологии морали и в понимании духовно-нравственного кризиса. Изучение системы преступления и наказания, как оказалось, преследует несколько целей. Самая важная — разработать эмпирические индикаторы, определяющие природу и уровни социальной организации и культуры в обществе, соответствующие общесоциологической модели²⁷. Другая цель полемическая, которая заключается в том, чтобы бороться с философами-моралистами, придерживающимися абсолютных моральных принципов, из которых якобы происходят законы и мораль в различных обществах. Одновременно Дюркгейм выступил против утилитарного подхода тех философов, которые считают, что моральное поведение индивидов — это соглашение по максимизации собственной выгоды. Дюркгейм полагал, что такого явления, как “внутренне присущий криминальный акт” (изначально криминальный), нет. То, что называется криминальным, зависит от того, какие верования, ценности и обычаи существуют в данном обществе, а они везде разные. По определению Дюркгейма, акт называется криминальным, когда оскорбляются (преступаются) строгие и четко определенные заповеди (states) коллективного сознания. Криминально то, что нарушает общепринятые обычаи. Нет единой и априорной формулы криминального акта, она зависит от конкретного общества²⁸. Закон задает эмпирический индикатор (индекс, внешний по отношению к индивидуальной субъективности) самого неясного и труднораспознаваемого²⁹ социального феномена на всех уровнях социальной системы, и таким эмпирическим индикатором являются мораль и текущее общественное мнение³⁰. Функция закона — подавить отклонения, а наиболее репрессивен он по отношению к религиозным нарушениям, ибо религиозные заповеди — ядро, сердцевина сознания³¹.

²⁷ *Thompson K. Op. cit. P. 77.*

²⁸ *Ibid. P. 72.*

²⁹ *Ibid. P. 78.*

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.*

Религиозные нарушения наказываются наиболее сурово. В современном обществе даже убийство наказывается меньше. Другая характеристика репрессивного закона заключается в том, что некоторые санкции могут быть специфицированы, а моральные верования — нет. Последние обычно не формализуются, ибо все мы знаем, что они обозначают. Так, закон об убийстве не говорит прямо о необходимости уважать человеческую жизнь, но просто указывает (спецификация) вид наказания. Дюркгейм отрицал объяснение наказания в терминах его устрашающей ценности (как средства устрашения или предохранения). Иначе бы наказания градуировались не по степени серьезности преступлений, а по степени силы, интенсивности мотивации совершения этих преступлений³². Функция репрессивных санкций — укрепить солидарность в обществе.

После опубликования книги “О разделении общественного труда” Дюркгейма обвинили в том, что он “материалист”. Однако Дюркгейм не согласился с этим, утверждая, что его социология целиком идеалистическая³³. “Основные социальные феномены — религия, этика, закон, экономика и эстетика — есть не что иное, как системы ценностей”³⁴, — писал он в “Социологии и философии”. И речь шла о процессе институционализации ценностей, артикуляции различных уровней социального феномена — центра его социологии.

Дюркгейм уделяет внимание тому уровню социальных феноменов, на котором верования и ценности кристаллизуются в форму институтов, а поведение регулируется нормами, подкрепленными санкциями³⁵. В этом случае описательная социология превращается в аналитическое изучение институтов. В его книге главным институтом выступает закон. Кроме социальных институтов сферой реализации ценностей выступают социальные нормы. Действие норм объясняется Дюркгеймом в терминах двух процессов. Первый процесс — влияние позитивных и негативных санкций, которые есть структурные компоненты норм, второй — легитимирующий эффект, произведенный престижем коллективных репрезентаций, которые дают нормы, появляющиеся из стоящих над нами источников³⁶. Первый тип принуждения — санкции наказания и вознаграждения, второй тип — моральный. Последний происходит через интернационализацию норм так, что они становятся нашей собственной природой, имеют власть над нами и дают нам чувство, что они произошли из превосходящих источников (Бог, отечество,

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 84.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 65.

государство) вне нас. Институционализация отвечает за практическое осуществление таких норм (калькуляция, наказание, практика), природа которых находится в нематериальной субстанции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богачѣва Н.В. Отношения родителей и детей // Социология. 2006. № 3–4. (*Bogachjova N.V.* Otnoshenija roditelej i detej // Sociologija. 2006. N 3–4.)

Гофман А.Б. Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. 1991а. № 2. (*Gofman A.B.* Je. Djurkgejm o cennostjah i idealah // Sociologicheskie issledovanija. 1991a. N 2.)

Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991б. (*Gofman A.B.* O sociologii Jemilja Djurkgejma // Djurkgejm Je. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M., 1991b.)

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1995а. С. 157–182. (*Gofman A.B.* Sem' lekcij po istorii sociologii: Ucheb. posobie dlja vuzov. M., 1995a. S. 157–182.)

Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995б. (*Gofman A.B.* Sociologija Jemilja Djurkgejma // Djurkgejm Je. Sociologija. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995b.)

Гофман А.Б. Становление французской социологической школы: Э. Дюркгейм // История теоретической социологии: В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Т. 1. М., 1997. С. 315–340. (*Gofman A.B.* Stanovlenie francuzskoj sociologicheskoj shkoly: Je. Djurkgejm // Istorija teoreticheskoj sociologii: V 4 t. / Otv. red. i sost. Ju.N. Davydov. T. 1. M., 1997. S. 315–340.)

Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001. С. 25–56. (*Gofman A.B.* Jemil' Djurkgejm v Rossii. Resercija djurkgejmovskoj sociologii v rossijskoj social'noj mysli. M., 2001. S. 25–56.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshhestvennogo truda. Odessa, 1900.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Послесловие А.Б. Гофмана. М., 1990. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii / Posleslovie A.B. Gofmana. M., 1990.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991а. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M., 1991a.)

Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения // Социологические исследования. 1991б. № 2. С. 106–114. (*Djurkgejm Je.* Cennostnye i “real’nye” suzhdenija // Sociologicheskie issledovanija. 1991b. N 2. S. 106–114.)

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Послесловие и примеч. А.Б. Гофмана. М., 1995. (*Djurkgejm Je.* Sociologija. Ее предмет, метод, предназначение / Posleslovie i primech. A.B. Gofmana. M., 1995.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 256–309. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda // Zapadno-evropejskaja sociologija XIX — nachala XX vekov. M., 1996. S. 256–309.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана; Примеч. В.В. Сапова. М., 1996. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshhestvennogo truda / Per. s fr. A.B. Gofmana; Primech. V.V. Sapova. M., 1996.)

История теоретической социологии: В 5 т. Т. 2. Социология XIX века: (Профессионализация социально-научного знания). М., 1997. С. 292–313. (Istorija teoreticheskoj sociologii: V 5 t. T. 2. Sociologija XIX veka: (Professionalizacija social'no-nauchnogo znanija). M., 1997. S. 292–313.)

Кравченко А.И. Трудовые организации: структура, функции, поведение. М., 1991. (*Kravchenko A.I.* Trudovye organizacii: struktura, funkcii, povedenie. M., 1991.)

Философия культуры. Становление и развитие. СПб., 1998. (Filosofija kul'tury. Stanovlenie i razvitie. SPb., 1998.)

Bellah R.N. Emile Durkheim, on morality and society. Chicago, 1973.

Durkheim E. La science positive de la morale en Allemagne // Journal sociologique. 1969. N 6.

Durkheim E. Introduction à la morale // Revue philosophique. 1920. N 89.

Thompson K. Emile Durkheim. L.; N.Y., 1988.